

Как-то я наткнулся в «Словаре» В.И. Даля на определение *пингвина*: это «морская птица чистик; плохо летает и ходит стойком». Представим, что, ссылаясь на озвученное толкование, я стану уверенно поправлять современных зоологов. У них пингвин совсем не умеет летать и не имеет никакого отношения к чистикам с их полноценными крыльями для ближних и дальних перелётов, а я тычу их в «Толковый словарь живого великорусского языка»: смотри третий том, страница сто одиннадцатая! Если у кого возникнут сомнения в авторитетности далевских суждений, я перечислю полученные им научные награды и звания: член-корреспондент Петербургской академии наук за естественно-научные труды! почётный член Академии по отделению естественных наук! почётный член Общества любителей российской словесности!..

На зоологах я не проверял, а филологи и всякого рода культурологи при упоминании гуманитарных авторитетов принимают покорно-принижённый вид, если кто и хотел сказать что-то от себя, то сразу тушуются. Однажды, задав вопрос о пингвинах в филологической среде, я намеренно начал со ссылки: по Далю, пингвин – птица, которая плохо летает. Люди не решались возразить. Потом один из филологов сказал осторожно: «Когда пингвин прыгает в воду с камня, он всё-таки взмывает своими крыльями – как бы взлетает».

Редактируя в одно время сборник русских частушек, в другое время поговорки, собранные тем же В.И. Далем, затем «Мёртвый дом» Ф.М. Достоевского и «Историю кабаков» И.Г. Прыжова, я обращал внимание составителя или автора примечаний на очевидные несоответствия или неточности... Например, в комментариях к «Запискам из

Мёртвого дома» пишут, что *язёвый* значит *клеймёный*, тогда как в Сибири *язёвым лбом* обзывали того, кого считали *дурачиной*. Или вот утверждается, что, по Библии, глас народа – это глас божий, но в Библии такого нигде не говорится... В ответ мне указывали или намекали: вы вторгаетесь в чужие епархии, в каждой из которых есть специалисты на своей специальности собаку съевшие, на указанную проблему жизнь положившие или, по крайней мере, по означенной теме сотню научных публикаций написавшие и диссертацию защитившие. Если во всех академических изданиях Достоевского *язёвый лоб* объясняется как *клеймёный каторжник*, то не хочу ли я подорвать авторитет прославленных литературоведов из Пушкинского дома? Или, того хуже, авторитет Священного Писания – когда начинаю рассуждать на библейские темы, вместо того, чтобы повторять слово в слово канонические высказывания канонизированных богословов.

Помню, как некоторым, – впрочем, даже многим удобно жилось при коммунизме: не надо мучиться, пытаюсь дойти до чего-то своими мозгами, на все случаи жизни были авторитетные определения. Ты просто заучивай наизусть и повторяй, ты просто цитируй: учение Маркса всесильно, потому что оно верно, из всех искусств для нас важнейшим является кино, религия – опиум для народа...

Постараюсь не вторгаться в чужие отлаженные сферы и буду говорить о том, чему учился, – на ту тему, которая соответствует моей специальности, полученной в своё время в Ленинградском университете, о чём имею диплом, заверенный подписями и печатью. Учился я, действительно, не на русском отделении с частушками, Далем и Достоевским, а на английской филологии, и как-то встретилось мне слово *galimatias* – в английском тексте. Обратившись к английскому же этимологическому словарю, составленному в Оксфорде, я узнал, что это заимствование из французского языка со значением *nonsense*, *rigmarole*, но происхождение его неизвестно. В другом, менее академическом источнике подтверждалось, что *galimatias* значит *бессмысленная речь*, *тарабарщина* (*meaningless talk*, *gibberish*), а насчёт происхождения высказывалось предположение, что слово возникло в XVI веке в студенческой среде, где бытовало прозвище *gallus*, что на латыни *петух*, в адрес кандидата на докторскую степень: для получения оной степени требуется умение складно и продолжительно разглагольствовать на философские темы, и это умение окрестили *gallimathias*, слепив латинское *gallus* с греческим *mathia*, или *matheia* (учение, знание).

Исходя из зачитанного объяснения, жаргонное новообразование *gallimathias* можно перевести примерно как *трепломатика* (умение трепаться).

Поскольку английские и немецкие филологи уверенно говорят о французском происхождении *галиматьи*, мне интересно было узнать мнение французов. Они, увы, сами не знают, откуда взялось это словечко. Французы, как и англичане, пишут о его неясном происхождении: *origine inconnie*. У них среди версий тоже высказывается предположение о насмешниках-студентах, придумавших *трепломатику*.

Несколько лет назад мне довелось редактировать книгу С.В. Максимова «Крылатые слова». Честно говоря, я сам предложил её для переиздания. По идее, работу над указанным произведением нужно было поручить кому-либо из специалистов по *русской* филологии – человеку с научной степенью в области этнографии и фольклористики, и он с должным благоговением, или, как сейчас предпочитают выражаться,

с должным пиететом, донёс бы до современного читателя мудрые высказывания известнейшего русского этнографа, почётного академика Петербургской Академии наук, чьи научные и научно-популярные сочинения вышли в своё время в двадцати томах. Я не ёрничаю. Я искренне, я без камня за пазухой предложил напечатать «Крылатые слова» – чтобы дать слово дореволюционному исследователю, которому, в отличие от советских языковедов, не нужно было всю жизнь подгонять свои суждения о русских словах и фразах под каноны коммунистического мировоззрения и марксистского языкознания. Ещё в начале работы, ознакомившись с оглавлением, я подумал с радостью, что наконец сам узнаю ответы на многие вопросы, например, про выражение *бить баклуши* – откуда оно взялось, вернее, как возникло его современное значение *лодырничать*, *бездельничать*. По поводу баклушей тут и там пересказываются, приправленные отсебятиной, невнятные рассуждения записных филологических популяризаторов, но лично мне не встречалось толкового и достоверного объяснения; бить баклуши – колоть топором поленья на чурки определённого размера, делать заготовки для деревянных ложек; занятие нудное, тупое, но это всё же – занятие, это работа. С.В. Максимов должен был объяснить, наконец, почему *бить баклуши* стало применяться к праздным личностям, от работы отлынивающим!

Максимов пишет – как бы лучше выразиться – с большим удовольствием, но как-то без царя в голове. В пространном очерке о баклушах он обстоятельно повествует, в каких российских краях делают лучший щепяной товар и какой лес лучше для деревянных ложек, и как из заготовок-баклушей эти ложки вытачивают, и какие ложки для каких надобностей применимы... Так, а где, собственно, объяснение *крылатой* приговорки *бить баклуши* в смысле *бездельничать*? А у Максимова его попросту нет!

Зато я узнал о происхождении французского слова *галиматья*.

В статье «Галиматья» русский языковед Максимов со знанием дела объясняет:

«Жил себе в Париже врач, обладавший необыкновенным даром смешить своих больных в такой степени, что вынужденный смех служил освежающим и зачастую целительным лекарством. Приедет он, насмешит и уедет, не оставив ни клочка рецептов. Между тем больной уже почувствовал облегчение, обрадовался, похвастался перед знакомыми, всех удивил и соблазнил. Доктор по имени Галли Матьё вошёл в моду и получил обширную известность и практику. Его стали приглашать нарасхват и, конечно, затруднили ему личные посещения: надо было придумать новый способ. Он стал вместо себя рассылать своим пациентам печатные листки, в заголовке которых стояло его имя, а под ним разнообразные остроты и каламбуры. Отсюда производят обычай называть бессвязный и бессмысленный вздор, словесную чепуху именем и фамилией оригинального и счастливого целителя душ и телес. Впрочем, у народа для пустословов, вздорных болтунов, умелых городить такую чепуху, от которой вянут уши, придумали слово *алалой*: по звукоподражанию, как уже сказано раньше, от *алалыкать*, или *картавить* (нечисто произносить буквы и слова)».

Подождите, это же бессмысленный вздор... Простите, откуда такие точные сведения? На всякий случай я ещё раз обратился к французским словарям, где, помимо уже озвученной выше версии, высказывается предположение, что *галиматья* идёт от греческого *κατά Ματθαίου*

(по Матфею, согласно Матфею): Евангелие от Матфея начинается перечислением предков Иисуса Христа, этот длинный список иудейских имён, монотонно зачитываемый священником в церкви, утомлял и ничего не сообщал пастве: Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи... В недрах паствы, вроде бы, и могло родиться словечко *galimateus*, в корне которого *Матфей*.

В.И. Даль в своём «Словаре» называет слово *галиматья* французским и объясняет его как: бестолковщина, вздор, бессвязица, бессмыслица. В современных словарях мы читаем то же самое: *галиматья* (фр. *galimatias*) – бессмыслица, нелепость, чепуха. В некоторых справочниках в ряду синонимов имеется ещё колоритное *ахинея*: «Несёт какую-то галиматью (или ахинею)».

Во время этих разысканий я выписал из «Толкового словаря» пример, приводимый В.И. Далем к прилагательному *сугубый*: «Галиматья простая, коли слушающий ничего не понимает; галиматья сугубая, когда ни слушающий, ниже беседующий сами себя не понимают». Высказывание, как я понимаю, принадлежит Ю.Н. Бартенёву (1792–1866), чиновнику и мемуаристу.

Как определить ту галиматью, которую привнёс в русское языкознание С.В. Максимов? Он, скорее всего, понимал всё, что пишет. Я, слушающий и читающий, понимаю все его слова и предложения. Но где же смысл? Сначала *беседующий*, то есть Максимов, утверждает, что доктор Галли Матьё лечил разнообразными остротами и каламбурами. Если пациент смеялся, значит, он их понимал. И тут же, в следующем предложении, Максимов причисляет эти остроты и каламбуры к бессвязному и бессмысленному вздору, к словесной чепухе!

Мне скажут: зачем подмачивать авторитет давно умершего человека, к чему ворошить давно забытое старое. Забытое? Написанное пером и напечатанное чёрным по белому не забывается. Как-то показывали телевизионную игру для эрудитов, и среди вопросов, присланных зрителями, был такой: «Что клали за пазуху поляки, когда ходили в гости к русским во время захвата Москвы в 1610 году?» Один из знатоков сразу же поднял руку: «Ответ готов! Поляки клали за пазуху камень».

И зритель, и начитанный знаток знали книгу С.В. Максимова «Крылатые слова». Его статья, посвящённая *камню за пазухой*, небольшая, приведу её полностью:

«Камень за пазухой – остался в обращении с тех пор, как, во время пребывания поляков в Москве, в 1610 году, последние хотя и пировали с москвичами, но, соблюдая опасливость и скрывая вражду, буквально держали за пазухой кунтушей про всякий случай булыжные камни. Об этом свидетельствует очевидец, польский летописец Мацеевич. *С москалём дружи, а камень за пазухой держи* – с примера поляков стали поговаривать и малороссы одним из своих присловий в практическое житейское свое руководство и в оценку великороссов».

Написанное пером воистину не вырubiшь топором, особенно если это написано каким-либо авторитетом. А ведь на самом деле, отправляясь *пировать* к москвичам, поляки за пазуху ничего не засовывали.

Нас очаровывают уверенно изречённые красочные фразы, но полезно и в смысл вникать. Представим: вы один из тех, кто недавно одержал победу в Клушинском сражении над русско-шведским воинством, в Москве вас, победителя, приглашают в гости, вы идёте, но перед теремом русского боярина задумываетесь: как бы эти коварные москвичи не лишили меня жизни во время застолья! И вы, гордый шляхтич,

гусар летучий, распахиваете свой *кунтуш* и засовываете под него поднятый с земли грязный булыжный камень. Не в переносном смысле, а буквально, как подчёркивает Максимов. Придерживая свой булыжник за пазухой, ибо кунтуш – одежда распашная, сам по себе камень не будет покоиться у вас за пазухой, вы явились на порог. А я, предположим, коварный москвит, смотрю и дивуюсь: что такое у ляха под евойным кафтаном на груди сильно выпирает, что это он рукой придерживает? Уж не булыжник ли он туда засунул? А для чего? Если из *опасливости* и *про всякий случай*, так я, пожалуй, могу ляшского гостя отравить или заколоть, или удавить, когда он сидит за столом, рукой удерживая свой булыжник, чтобы тот не выпал. Если уж он такой опасливый, мог бы кинжал или пистолет скрытно держать под полой своего длинного кафтана.

Согласитесь, что я нарисовал сцену, которая противоречит здравому смыслу.

Про здравый смысл все готовы послушать, но как не верить С.В. Максимову, известному этнографу и почётному академику? Он и свидетеля привлекает в своей статье – польского летописца Мацевича! А я кого-нибудь могу привлечь?

Свидетелей из 1610 года разыскать трудно, но я попробую. Пока другие ищут всуе по справочникам летописца *Мацевича*, я сошлюсь на Самуила Маскевича, чьё существование подтверждает «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: «Самуил Маскевич – литовец по происхождению и польский офицер, участвовавший в походе на Москву. Маскевич вёл дневник, в котором он описал своё пребывание в России...» «Большой энциклопедический словарь», изданный в 1981 году, считает Маскевича не литовцем, а белорусским феодалом, «участником польской интервенции в Россию в 1609–12 годах».

Какие же впечатления вынес польский гусар, он же белорусский феодал, участвовавший в *интервенции*? Его показания отличаются от тех, которые приводит Максимов. В своём «Дневнике» Самуил Маскевич написал об отношениях поляков с русскими после захвата Москвы: «Несколько недель мы жили с ними, друг другу не доверяя. Кумились с ними, а камень, как у них говорят, за пазухой. Бывали друг у друга на пирах, а ведь думали о себе. Мы должны были также крепко сторожиться; караулы днём и ночью стояла у городских ворот и на некоторых перекрёстках...» Для убедительности я прилагаю к своему переводу ту часть польского текста, которая относится к обсуждаемому речению: «а kamień, jak oni mówią, za pazuchą».

Поляки не вооружались *булыжными камнями*, а пословицу о камне за пазухой гусар Маскевич услышал впервые от русских и понял её так, как и следует понимать человеку, обладающему здравым умом, – в переносном, а не в буквальном смысле. И пословица эта восходит, конечно, к более давним событиям, чем польское вторжение в Москву. Она, скорее всего, ещё из пещерных времён: какая-либо из враждующих сторон отправлялась к противнику на мирные переговоры, пряча в складках одежды острые обломки камня – кто-то из предосторожности, а кто-то и для внезапного нападения...

В «Записках из Мёртвого дома» есть сцена, где один арестант (лет пятидесяти, мускулист и сухощав, в лице что-то лукавое и вместе весёлое), явившись на кухню, заводит разговоры с обедающими, напрашиваясь на угощение:

«– Ну, здорово ночевали! Что ж не здороваются? Нашим курским! – прибавил он, усаживаясь подле обедавших своё кушанье, – хлеб да соль! Встречайте гостя.

– Да мы, брат, не курские.

– Аль тамбовские?

– Да и не тамбовские. С нас, брат, тебе нечего взять. Ты ступай к богатому мужику, там проси».

Гостя отваживают, с ним не хотят делиться своей едой: пусть ест казённую. А он, лукавый и весёлый, продолжает – лукаво и весело – напрашиваться:

«– В брюхе-то у меня, братцы, сегодня Иван Таскун да Марья Икотишна; а где он, богатый мужик, живёт?

– Да вон Газин богатый мужик; к нему и ступай.

– Кутит, братцы, сегодня Газин, запил; весь кошель пропивает. <...> Что ж, не примете гостя? Ну, так похлебаем и казённого».

Что значит *Иван Таскун да Марья Икотишна*? Это значит: человек так проголодался, что у него живот подвело, у него в брюхе волки воют. К слову, Достоевский перенёс эту фразу в произведение из своей «Сибирской тетради» – где было написание *Марья Еготишна*. В фольклорных сборниках мы обнаруживаем сходную пермскую приговорку о голоде: «В брюхе Иван Постный да Марья Икотишна (или Леготишна)». Есть также «В одном кармане Иван Тощий (или Иван Постный), в другом Марья Леготишна» – сочувственный или пренебрежительный отзыв о бедняке, у которого, как говорится, *в карманах ветер гуляет*.

Но это моё объяснение, а в тридцатитомном собрании сочинений Ф.М. Достоевского, изданного Академией наук СССР, и в пятнадцатитомном собрании его же сочинений, подготовленных к печати в издательстве «Наука» сотрудниками Пушкинского дома, слова лукавого каторжника объясняются со ссылкой на почётного академика С.В. Максимова:

«Этнограф С. Максимов писал, что так называли в арестантской среде болезни, зависящие от дурной и преимущественно сухой, *без приварка* пищи» (Максимов С.В. Сибирь и каторга. 3-е изд. СПб., 1900, с. 161).

Вот видите, бессмысленный вздор... извините, научное объяснение, прозвучавшее из уст Максимова более ста лет назад, до сих пор повторяется литературоведами, и по этому объяснению, весёлый и лукавый каторжник, явившись на общую кухню, не бесплатный обед себе выклянчивает, а жалуется товарищам по каторге – не с удручённым, а весёлым и лукавым видом: в брюхе у меня сегодня Иван Таскун да Марья Икотишна – желудочные болезни, зависящие от дурной каторжной пищи без приварка!

Возможно, в Сибири, при посещении того или иного острога, этнограф Максимов услышал нечто про желудочные болезни от какого-нибудь каторжного лекаря, или арестанты, хитро перемигиваясь, наплели чего-нибудь приезжему профессору, или он услышал одно, записал несколько другое, потом, сидя уютно в своём кабинете в Москве, домыслил что-то третье... По очеркам о галиматье и о камне против москалей у поляков за пазухой можно уверенно говорить о своеобразной фантазии почётного академика. В любом случае, ссылка на Максимова неуместна применительно к обсуждаемой сцене из «Мёртвого дома».

В указанных академических собраниях сочинений, как я говорил, *язёвый* толкуется как *клеймёный*. Чем мне не нравится объяснение признанных наших достоевсковедов?

Вспомним, как Достоевский описывает утренние занятия в казарме после того, как в остроге объявили подъём:

«В кордегардии у острожных ворот барабан пробил зорю, и минут через десять караульный унтер-офицер начал отпирать казармы. <...> У вёдер с водой столпились арестанты; они по очереди брали ковш, набирали в рот воды и умывали себе руки и лицо изо рта. <...> Из-за ковша, который был один, начались немедленно ссоры.

– Куда лезешь, язёвый лоб! – ворчал один угрюмый высокий арестант, сухощавый и смуглый, с какими-то странными выпуклостями на своём бритом черепе...»

Ну, наверно, этот каторжник, сам, возможно, неклеимёный, видит клеймо на лбу у второго каторжника, поэтому, наверно, и награждает того уместным прозвищем... Но вспомним «Сибирскую тетрадь», в которую Достоевский, выйдя из острога, записал по памяти словечки и фразы из каторжного лексикона. *Язёвый лоб* в «Записках из Мёртвого дома» восходит к следующему разговору двух арестантов (в «Сибирской тетради» он под номером 75):

«Ах ты язевой лоб! – Да ты не Сибиряк-ли? – Да есть мало-мало! А что? – Да ничего».

Услышав *язёвой лоб*, второй каторжник предполагает, догадывается, что его сотоварищ – сибирский житель. По этой подсказке мы берём любой словарь сибирских говоров и читаем объяснение: *язёвый лоб* – дурак, дурачина. Чтобы меня не обвинили в голословности, чтобы не показаться ненавистником всего академического, сошлюсь, однако, на академический источник, оформив ссылку так, как полагается в научных кругах, с точным указанием того авторитета, коего я привлекаю в свидетели: в семнадцатом выпуске совершенно академического «Словаря русских народных говоров» (1981 год) на 93-й странице в подробнейшей статье, посвящённой существительному *лоб*, напечатано буквально следующее: «*Вязовый лоб*: об упрямом, тупом человеке». Вы считаете, что я притягиваю за уши, что *вязовый* – не *язёвый*? Я ещё не договорил. Чуть ниже в том же столбце на той же странице находим: «*Язёвый лоб*: то же, что *вязовый лоб*». Помета сообщает, что это употребление было записано в 1865 году. Где? В Енисейской губернии. *Язёвый лоб* – сибирский вариант *вязового лба*. В «Мёртвом доме» Достоевского один каторжник обзывает другого дурачиной.

Сошлось так, что в 2012 году я редактировал для издательства «Азбука-Аттикус» упомянутое произведение Ф.М. Достоевского – именно «Записки из Мёртвого дома». Мне передали предисловие и примечания, уже предоставленные издателю – нетрудно догадаться – сотрудником Института русской литературы, известного как Пушкинский дом. В примечаниях я прочитал в очередной раз, что *Иван Таскун да Марья Икотишина* – название болезней, которые, по толкованию С.В. Максимова в его книге «Сибирь и каторга», зависят от дурной и преимущественно сухой, *без приварка* пищи. Я позволил себе не согласиться: каторжник просто сообщает, что сильно проголодался. Мне ответствовали: в примечаниях всё правильно написано!

Кроме объяснения про означенные желудочные болезни, вызванные сухой пищей, составитель примечаний счёл нужным объяснить читателям нашей книги... Нашей? Ну, Достоевский написал, «Азбука-Аттикус» издавала, достоевсковед из Пушкинского дома приложил серьёзные научные примечания, я присоседился к их славе в роли редактора! Итак, в серьёзных примечаниях объяснялось, что такое *бить зорю*.

Помните, я выше зачитывал отрывок с язёвым лбом, сцена начиналась со слов: «В кордегардии у осторожных ворот барабан пробил зорю...» *Бить зорю* – это играть побудку, давать сигнал к пробуждению. Побудку, естественно, производят в одно и то же время – по воинским частям, в колониях, лагерях и тюрьмах, только в выходные дни, как я помню, побудка, или, как у нас говорили, подъём, был на час позже... Я служил в воинской части или сидел в тюрьме? Нет, я ездил когда-то в пионерский лагерь... Так это кто объясняет про зорю – знатоки Достоевского из Пушкинского дома, или я, всего лишь редактор? Извините, это я увлёкся, полез со своими ненужными воспоминаниями и замечаниями. Знающие люди из Пушкинского дома написали другое: «Бить или играть зорю – оповещать, по воинскому уставу, о восходе или закате солнца, для чего установлены особый барабанный бой и музыка».

По этому объяснению, летом воинов, каторжан и пионеров будят утром часа в четыре, в пять – ибо раньше солнце восходит. Зимой, соответственно, подъём объявляют на два, три, а то и четыре часа позже. Если погода пасмурная, побудку не играют: ибо восход солнца не наблюдается. У нас в Петербурге в июне солнце исчезает за горизонтом совсем ненадолго, так что ты не успеешь, услышав вечернюю зорю, забраться в кровать, как уже барабанным боем и музыкой требуют: Подъём!

Страдая из-за этой *зори*, я снова обратился в Пушкинский дом. После отповеди касательно желудочных болезней, известных в арестантской среде как *Иван Таскун да Марья Икотишина*, я получил вторую отповедь в виде лаконичной рекомендации посмотреть *зорю* у В.И. Даля.

Я начал этот очерк с Даля, с его крылатого *летающего* пингвина, и заканчивается он на Дале. Следуя поданному совету, я открыл «Толковый словарь живого великорусского языка», а именно первый том, где в пространной статье с головным словом *Зарево* для меня обнаружилось следующее объяснение: «Бить зорю или играть зорю – обвещать, по воинскому уставу, при караулах, о закате и восходе солнца, делить день и ночь...» Ничего не поделаешь: если почётный академик В.И. Даль дал такое объяснение, какие могут быть сомнения и опровержения. Тем более и в воинских уставах, как он утверждал, то же самое прописано – против устава уж точно ничего не возразишь.